

Современная украинская лирика.

Лирическая поэзия служит во всякой моментъ народной жизни выразительницею господствующаго настроенія, преобладающаго чувства большинства. Она является одной изъ наиболѣе примитивныхъ формъ взаимнаго обмена мыслей и чувствъ между поэтомъ и читателемъ. Но въ то же время по широтѣ своего содержанія и по искренности выраженія лирика имѣетъ громадное общественное значеніе, пуская въ оборотъ народной массы многообразныя эстетическія впечатлѣнія и этические переживанія. Лирика же, какъ пѣсня, украшаетъ сѣрую будничную работу.

Народы южные, чуткіе къ красотѣ, накапливающіе въ душѣ своей особливую отзывчивость къ чувству горя и радости, обыкновенно создаютъ самую богатую лирическую поэзію. Среди украинскаго народа лирика откликалась на всѣ явленія трудовой жизни; создавались цѣлые циклы пѣсенъ, выражающія настроенія, обстановку разныхъ трудовыхъ группъ населенія—чумацкія, косарскія и др. пѣсни. Въ любовныхъ пѣсняхъ выразились самыя разнообразныя оттѣнки дѣвичьей и женской, мужской и братской любви, ревности, сиротства, бурлачества и т. п. видовъ взаимнаго сближенія и разъединенія людей. Много въ украинской народной лирикѣ чувства красоты природы, выразившагося то въ символическихъ уподобленіяхъ настроеній челоуѣческаго сердца съ жизнью природы, то въ прямыхъ описаніяхъ окружающей природы. Недаромъ величайшій славыянкій лирический поэтъ Т. Г. Шевченко воспитался на этой богатой украинской народной лирикѣ и какъ бы переплотилъ ея красу въ своемъ глубоко-прочувствованномъ творествѣ. До сихъ поръ ни одинъ поэтъ не достигъ такой силы лирическаго воодушевленія, такой правдивости мысли, какою владѣлъ авторъ бессмертнаго „Кобзаря“.

Но лирическая украинская поэзія продолжаетъ играть видную роль въ новѣйшей украинской литературѣ. И если въ первыя десятилѣтія послѣ умолкнувшаго Кобзаря три

поэта приобрѣли право по справедливости называться лучшими лириками своего времени—Щоголевъ, Руданскій и Грабовскій, — то въ послѣднее десятилѣтіе истиннымъ украинскимъ лирикомъ выступилъ поэтъ Олесь съ его тремя сборниками стихотвореній. Здѣсь не случайно стоитъ эпитетъ „истиннымъ украинскимъ лирикомъ“. При томъ совершенствѣ, какого достигла украинская лирика въ народномъ творествѣ и при той идейности, какую вложилъ въ свою лирику Шевченко, требованія къ украинскому лирическому поэту могутъ ставиться вполне опредѣленныя: трудно представить себѣ красивую украинскую лирику, которая отдѣлялась бы по формѣ и по содержанію отъ такихъ двухъ богатыхъ первоисточниковъ вдохновенія. Но, съ другой стороны, поступательный ходъ жизни не останавливается, творитъ новыя формы и къ вѣчно великимъ идеямъ, вложеннымъ въ „Кобзаря“, присоединяетъ рядъ новыхъ неизвѣданныхъ ощущеній, создаетъ новый укладъ мыслей, новое пониманіе красоты. Поскольку все это новое жизненное міропониманіе овладѣваетъ общественной мыслью, постольку оно должно отразиться и въ лирикѣ, какъ самомъ чуткомъ показателѣ жизни чувства и ума. Такимъ образомъ, творчество современнаго украинскаго лирика не должно быть оторвано отъ народной украинской жизни, соотвѣтствуя народной лирикѣ, должно быть проникнуто гуманно-демократическими идеалами, воплотившимся въ „Кобзарѣ“ Шевченка, и, кромѣ того, оно не можетъ лежать внѣ современныхъ европейскихъ философскихъ идей, такъ какъ безъ этого поэзія не выполнитъ своего главнаго назначенія—вести впередъ, вносить свѣтъ и движеніе въ область развитія чувства самосознанія, какъ индивидуальнаго, такъ и соціального. Надо отдать справедливость украинскимъ лирикамъ новѣйшаго періода литературы: лучшіе изъ нихъ своимъ творчествомъ наиболѣе отвѣчали первымъ двумъ требованіямъ; третьему условію среди поэтовъ XIX в. больше всего отвѣчала лирика Грабовскаго, Лесси Украинки, Франка и отчасти Крымскаго.

Въ XX в. болѣе 40 лирическихъ поэтовъ внесли свои новыя дарованія въ украинскую поэзію. Изъ нихъ, конечно, надо выдѣлить тѣхъ, которые писали стихи временно, брались за лирику случайно, чтобы только выразить накопившееся чувство,—кто не поэтъ въ 16 лѣтъ, кто не воспѣ-

валь свою милую подчасъ и вдохновеннымъ стихомъ? Но такая случайность вдохновенія чужда истинному поэту; для него творчество есть нѣчто органически съ нимъ связанное, присущее ему въ теченіе всей жизни, борющееся за право свободнаго проявленія со всѣми неблагоприятными условіями. Вотъ почему можно снять съ очереди добрую треть всѣхъ поэтовъ, которые за 3—4 стихотворенія попали въ „Украинскую Музу“, антологию современной украинской лирики.

Талантливыми представителями современной украинской лирики являются преимущественно представители трудовой крестьянской массы, а потому у нихъ связь съ народной жизнью совершенно органическая. Хорошо зная эту жизнь, они, естественно, поютъ про ея безысходное горе, воспѣваютъ красу той природы, среди которой протекло ихъ дѣтство. Нѣкоторыя изъ этихъ описаній очень ярки и проникнуты любовью къ родному краю, дышатъ горячимъ состраданіемъ къ тяжелымъ условіямъ жизни крестьянъ. Это уже не прежнее романтическое народничество, это—воплъ реального сознанія безвыходности положенія. Такова, на примѣръ, „Іділія“ Будяка, гдѣ въ видимомъ прекрасномъ раѣ природы царятъ голодъ и отчаяніе. Здѣсь лиризмъ доходитъ до рѣзкаго сатирическаго тона. Безъ юмора, но глубокимъ чувствомъ проникнуты посвященные той же темѣ стихотворенія Капельгородскаго „Голод“, „Плугатарь“, „Зимою“, „В рідному селі“. Вообще эти два поэта такъ и просятся на сравненіе: Будякъ—поэтъ-борецъ, его сильный стихъ звучитъ металломъ, его настроеніе приподнятое, для родины, для великой идеи братства, для свободы онъ готовъ поднять и волны океана, какъ, на примѣръ, въ своей „Псалмѣ“:

Гей, ударю я девятимъ громозвукимъ буруномъ,
Я збунтую, я підкину море-череду стовпомъ,
Я зруйную круторебрі хижовперті берега!
Бути звільна вічнимъ паріемъ, рабомъ
Я не хочу!

Онъ готовъ вызвать самого Бога на поединокъ—„Виклик“; онъ радъ бурѣ—„Хуртовина“,—чтобъ внесла она новую жизнь, освѣтила забывшихъ про волю людей.

Будякъ любитъ солнце, просторъ, города съ ихъ каменными домами его душатъ, тамъ мѣста нѣтъ ни вольной мысли, ни чувству братскому, и все, что онъ видитъ на

улицахъ, глубоко подъ домами—любовь продажную, всю жизнь одному торгу посвященную,—приводитъ его въ отчаяніе, и изъ его груди при видѣ большого города вырывается стонъ:

Нема людей, нема людей,
Самі дома, людей нема!

Въ этомъ онъ сходится съ бельгійскимъ поэтомъ Верхарномъ.

Будякъ привѣтствуетъ борьбу и воспѣваетъ въ своемъ „Веселомъ маршѣ“ борцовъ, онъ обращается съ упрекомъ къ „Старшимъ братьямъ“, что они не слышатъ стонъ братьевъ, которые голодаютъ, мѣшаютъ кору и траву въ свой хлѣбъ и отъ голодныхъ думъ теряютъ голову. Сильнымъ реализмомъ дышатъ его „Етюди“ изъ сельской жизни. Но у Будяка, кромѣ боевыхъ и народническихъ темъ, въ его небольшомъ сборникѣ „Буруни“ есть красивыя стихотворенія на философскія темы, близкія къ гейневскимъ безсмертнымъ стихамъ, каковы „Хвилі і люде“, „Квітчастий танок“, „Такимъ людім“ и др. Вообще лирика Будяка проникнута глубокимъ чувствомъ любви къ людямъ и къ свободѣ, она вдумчивая и искренняя. Эта искренность звучитъ одинаково горячо и въ широкихъ гражданскихъ мотивахъ, и въ субъективныхъ переживаніяхъ—„Мій шлях“, „Філка“ и др. Несмотря на обличительный и вызывающій тонъ нѣкоторыхъ стихотвореній, въ поэзіи Будяка много нѣжнаго и свѣтитъ въ ней горячая вѣра въ побѣду добра, въ близкое народное правды. Надо только поэту больше вниманія обратить на формальную сторону своей работы: его стихъ, вообще сильный и звучный, не всегда выдержанъ, попадаются неудачныя слова. Не слѣдовало бы начинать сборника вполнѣ оригинальныхъ и широкихъ по темамъ стихотвореній такимъ бессодержательнымъ отрывкомъ, какъ стихи „До музи“.

У Капельгородскаго въ лирикѣ не найдемъ темперамента Будяка; это спокойная лирика, тоже проникнутая гражданственностью и любовью къ роднымъ степямъ, родному люду, но больше реального, а не вызывающаго характера. Это дѣйствительные „отголоски“ современной жизни въ глубинѣ Украины, какъ и озаглавленъ сборникъ Капельгородскаго—„Відгуки життя“. Стихи эти обвѣяны тѣмъ непередаваемымъ „сумомъ“, который такъ присущъ характеру украинца, творчество Капельгородскаго род-

ственно Надсону, котораго часто и переводитъ Капельгородский. Его стихи близки по формѣ и по настроенію къ чисто народнымъ пѣснямъ, какъ, на примѣръ, „Розвага“, гдѣ онъ говоритъ про себя:

Гей, немає мені долі
Якъ билині тій у полі,
Що одна стоїть зімою
Серед снігу над межою...
Рідний край—моя дівчина,
Праця—вірная дружина,
Хто серденько щире має
Рідний край в душі кохає,
Той на долю не жалкує:
За метою він слідкує.
Хай глузують з його люде,—
Лихо всяке він забуде,
Він щасливий сам собою,
Бо слідкує за метою!

Это простое стихотвореніе очень характерно для современнаго украинскаго дѣятеля: пусть его національныя задачи осмѣиваются, перевираются,—онъ въ нихъ глубоко убѣжденъ и идетъ своимъ путемъ. Такимъ же настроеніемъ дышатъ и стихотворенія „Бережким парадникамъ“ („Осторожнымъ совѣтчикамъ“), „Поклик“, „Байдужимъ“ (Равнодушнымъ), „Роздоріжжя“ (Распутье) и др. Но сила дарованія Капельгородскаго не въ такихъ обличеніяхъ, не въ героическихъ воззваніяхъ. Ему лучше всего удаются тихія сельскія картины—„Ранком“, „В рідному селі“, „На селі“. Здѣсь и правда, и красота искренней лирики.

Такимъ же искреннимъ лирикомъ является и авторъ маленькаго сборника стихотвореній „Хвилини“ С. Черкасенко. Въ „Хвилинахъ“ разлито много той неуловимой, неподдающейся опредѣленію поэзіи, какая дается только болѣе крупному дарованію. Въ Черкасенко мы дѣйствительно встрѣчаемъ поэта съ богатымъ творчествомъ. Пишетъ ли онъ разсказъ, въ немъ стоятъ предъ нами яркіе правдивые образы ¹⁾, пишетъ ли обличенія современнымъ уродствамъ жизни,—сатира его полна юмора, а въ стихахъ картины обвѣяны поэтической прелестью—„Вечір въ степу“, „Ніч“. Черкасенко кромѣ того, пѣвецъ тяжелаго труда рудокоповъ; ихъ тяжелому труду, ихъ безрадостной жизни у него посвящено нѣсколько очень удачныхъ стихотвореній: „На шахті“, „Шахтарі“ и др.

¹⁾ См. его разсказы „На шахті“ и разсказы для дѣтей „Маленькій горбань“.

Совсѣмъ недавно вышла въ свѣтъ лирика Миколи Вороного. Это уже поэтъ совершенно другого темперамента. Съ богатствомъ поэтической формы у него соединяется разнообразіе содержанія. Вороной владѣетъ прекрасно стихомъ, онъ у него такъ и играетъ, то искрится, какъ радость молодой жизни („Знову ранок, знову світ“, „На озері“, „Чорне домино“), то тянется, падаетъ подъ гнетомъ тоски.

Одпочинь, одпочинь, на хвилину засни
Ти, зневажене сердце у край...

Или въ „Хмарахъ“:

Сунуться, сунуться хмари
Темні, брудні...
Де ж ви поділися чари,
Мрії щасливі, ясні?

Удивительная гармонія стиха съ настроеніемъ заставляетъ поэта часто мѣнять размѣръ въ одномъ и томъ же стихѣ, и это усиливаетъ его красоту. Такъ, въ стихотвореніи „Скрипонька“ каждая картина—новый размѣръ. То отрывистый, когда набрасывается картина ночи въ городѣ:

Візники... пішоходи... майдан.
Дрібно сіється дощ, хлюпотить.

Стихъ растягивается, когда изображается тоскующее настроеніе поэта:

І здригається сердце мое
У стисканнях невольничих пут,—
А нудьга як той спрут
Присмокталась і кров з нього пье...

Звуки музыки вдругъ разсѣкаютъ это настроеніе:

Іскорками, блискавками,
Огневими стрілоньками
Блиськає, тремтить!

Затѣмъ, когда пѣсня захватываетъ сердце одинокаго слушателя, поэтъ передаетъ такимъ же уподобляющимся тягучимъ звукамъ стихомъ:

Ось вона—
«В душу вливається, ніжно лоскочеться,
Чайкою скигить, безтямно ридаючи,
Мов найдорожче в могилу ховаючи!»

Много красоты въ лирикѣ Вороного, много глубокихъ темъ все того же вѣчно волнующаго насъ индивидуальнаго счастья и горя, неудовлетворенности сложной капризной души современнаго интеллигента. Прекрасны въ этомъ отношеніи полныя сильнаго вдохновенія стихотворенія „Fiat“ и „Vae victis“. Много у Вороного красивыхъ упо-

доблений,—напримѣръ, „Хмара“, „Палімпсест“, цѣлый отрывокъ символическій „Евшан-зілля“¹⁾, недаромъ своими поэтическими достоинствами заслужившій очень широкую популярность въ Украинѣ. Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ древнихъ лѣтописей: при дворѣ Мономаха жилъ, окруженный роскошью, взятый въ плѣнъ мальчикъ, сынъ хана половецкаго. Сталъ онъ уже все родное забывать, но отецъ за нимъ сильно тоскуетъ. Онъ посылаетъ пѣвца-гусяря къ сыну и даетъ ему „евшан-зілля“: чуть понюхаетъ траву степную, такъ, навѣрное, вспомнитъ юноша свой край родной и вернется къ нему, убѣжитъ изъ роскошнаго плѣна. Такъ и случилось: пока пѣлъ гусляръ пѣсни половецкія, равнодушно слушалъ ихъ юноша, но чуть понюхалъ онъ траву родныхъ степей, весь преобразился, все бывшее дорогое воскресло въ его душѣ, и онъ бѣжалъ съ гусляромъ изъ княжескихъ палатъ баловавшаго его Мономаха.

Україно! мамо люба!
 Чи не те ж з тобою сталося?
 Чи синів твоїх багато
 На степах твоїх зосталося?—

спрашиваетъ въ заключеніе поэтъ и заканчиваетъ пожеланіемъ найти ту траву приворотную, которая вернула бы Украинѣ измѣнившихъ ей сыновъ.

Если Вороного можно преимущественно назвать поэтомъ личныхъ чувствъ, то это не значитъ, чтобы его лирика не отзывалась на гражданскіе мотивы. У него нѣтъ романтическаго народничества, но горю родины посвящено у него одно краткое сильное стихотвореніе. Въ немъ сказалась вся любовь его къ родинѣ; это—„Краю мій рідний“. Вороному только не слѣдуетъ писать стихи на чисто публицистическія темы,—они ему не удаются, не тотъ у него даръ. Вотъ почему такъ неинтересны его стихотворенія „Эпиталама“ (о свободномъ бракѣ), „На праздникъ Котляревскаго“ и даже „На панихиду Шевченко“. Ему гораздо лучше удаются юмористическія шутки—„Мушка“, „Поэзія и проза“. Но по существу это—лирикъ индивидуальнаго чувства любви, сомнѣнія, ревности. И здѣсь Вороной займетъ видное мѣсто въ украинской поэзіи.

Отдѣльное мѣсто среди украинскихъ лириковъ занимаетъ поэтъ Ф и л я н с к і й, недавно выпустившій въ свѣтъ 2-й томъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ „Calendarium“.

¹⁾ Евшан-зілля—степная трава съ сильнымъ запахомъ.

Его первый томъ вышелъ въ 1906 г., въ разгаръ общественно-политическихъ интересовъ, и поражалъ полнымъ отсутствіемъ какого-либо соотвѣтствія между настроеніемъ поэта и окружавшей его жизнью. Этотъ первый сборникъ стиховъ Филянскаго былъ пропитанъ философскимъ отношеніемъ къ жизни, къ самому себѣ, въ немъ господствовалъ нѣсколько приподнятый библейскій мотивъ о суетѣ мірской. Но черезъ это нѣсколько напускное спокойствіе прорываются искреннія ноты, когда поэтъ вспоминаетъ о родинѣ и о своей оторванности отъ нея. Вообще и въ первомъ, и во второмъ томѣ поэзія Филянскаго—это стонъ изгнанника, потерявшаго надежду и увидѣть родной край, и послужить его возрожденію, у котораго осталась только одна связь съ родиной—пѣсня, то несущая его на крылахъ воспоминаній въ далекое дѣтство, проведенное на Украинѣ, то выражающая его скорбь о положеніи Украины. Во второмъ томѣ Филянскій по образцу древнихъ писателей распредѣляетъ свои стихи по мѣсяцамъ года, стараясь не только дать соотвѣтствующія картинки природы, но и ставить свое настроеніе въ гармонію съ состояніемъ природы. И то, и другое удается ему. Вообще второй томъ неизмѣримо искреннѣе и живѣе перваго, въ немъ больше личной лирики. Но и въ немъ есть мѣста общественной жизни, хотя на смерть Толстого есть прекрасное четверостишіе.

Стихъ Филянскаго вездѣ хорошъ, обработанъ, но въ немъ нѣтъ огня. Въ первомъ томѣ особенно красиво и характерно написано стихотвореніе „Хвала, хвала Тобі—за хвили що рокочуть“. Во второмъ томѣ хорошее описаніе природы: „Не иди доріжкою, що вчора ти ходила“ и др. По глубинѣ настроенія лучше всѣхъ, искреннѣе другихъ такія прекрасныя вещи, какъ „Гукайте їх—вони десь заблудили!“, „Ніч Івана Купала“, „Беркут“ (во 2-мъ т.) и въ 1-мъ — „І рідний гай і рідний лан“, „І знов і знов весна“, „Червонымъ золотомъ діброва убіралась“ и др. Филянскій—поэтъ сдержанный, скромно боящійся лишняго слова, преувеличеннаго эпитета, но въ его поэзіи много глубокой тоски по родинѣ, тоски личнаго неудовлетворенія жизнью. Второй томъ показываетъ, что лирический талантъ Филянскаго развивается и можетъ дать нѣчто еще болѣе сильное и красивое.

Среди современныхъ лириковъ нельзя не остановиться на лирикѣ-декадентѣ Ч у п р и н к ѣ, издавшемъ уже пять

отдѣльныхъ сборничковъ стиховъ. Каждый изъ нихъ носить крикливыя названія—„Огнецвіт“, „Ураган“, „Метеор“ и т. п. Чупринка—мастеръ слова, больше всего занятый красотой звука, оригинальностью манеры. Ему мало дѣла до содержанія. Онъ можетъ воспѣвать и вѣтеръ, и огонь, и красоту, онъ въ темную межпланетную даль готовъ летѣть, какъ Демонъ. Поэтъ, по его опредѣленію,—и пророкъ, и новаторъ, и вольный мученикъ жизни: онъ не истратитъ даромъ силы свои духовныя ни въ страданіи, ни въ тоскѣ. Чупринка смѣлъ и увѣренъ въ себѣ: „Знайте ж друзі й вороги—я на аванпості!“—говоритъ онъ. Пѣвцу, котораго оставило вдохновенье, онъ приказываетъ умереть: „Ти не смієшь жить на світі, раз твій жертвенник потух!“ Его лира, полная гнѣва и слезъ, навсегда неподкупна. „Я люблю святу красу,—говоритъ Чупринка („Credo“),—так до вас ворожі дуки я душі не понесу“. „Братомъ світла, братом сонца я зроблюся хоч на мить“, „До блакитного простору дух мій гимни подає!“

Мы нарочно привели эти отрывки, характеризующіе талантъ вѣчно мятущейся, неуравновѣшенный, вѣчно ищущій повсюду новой красоты, новой формы, точно играющій передъ читателемъ своимъ стихомъ. Но когда Чупринка на минуту успокаивается, берется за конкретныя темы, онъ творитъ прелестныя по своей нѣжности и изяществу вещи, какъ, на примѣръ, „З вікна“ (зимній этюдъ), „Моі квіти“; „Снохода“ (Сомнамбула). „Хмарки“ наминають Бальмонта. Хороши его „Муки кохання“, „Чисті души“. Какъ всѣ декаденты, Чупринка хорошо передаетъ сказочныя тайны природы—„Ніч на Купала“ и тайну смерти—„Подзвіня“. Вообще, можно сказать, что послѣдніе два сборника Чупринки, „Метеор“ и „Сон-Трава“, содержательнѣе первыхъ, гдѣ поэтъ слишкомъ часто забывалъ истинное свое призваніе и увлекался однимъ металлозвономъ своихъ стиховъ.

Вотъ тѣ современные лирики, произведенія которыхъ вышли за послѣднія пять лѣтъ и на которыхъ интересно было остановиться, чтобы уяснить себѣ новѣйшую украинскую лирику. Какъ видно, старое народничество, романтизмъ отсутствуютъ въ ней, и имъ на смѣну выступаетъ индивидуализмъ, лирика личнаго чувства. Въ этотъ же промежутокъ времени вышелъ второй и третій сборникъ стиховъ поэта О л е с я, но ему мы посвятимъ особую статью.

С. Русова.

Современная украинская лирика ¹⁾).

Первый выпускъ стихотвореній Олесея, вышедшій въ 1907 году, былъ восторженно встрѣченъ и украинской критикой, и украинской молодежью. Самое заглавіе его — „З журбою радість обнялась“—передавало господствующее настроеніе того момента: въ печальную украинскую поэзію, въ жизнь, переполненную терній, ворвалась радость,—радость пробужденія въ свѣтлое утро, счастье сознанія, что живъ народъ и жива его сила. Съ этой радостью сразу „обнялась“ острая „журба“ отъ ужасныхъ событій 1907 года, „Въ слъозах, як в жемчугах мій сміх“. Звонко и гордо звучала лира въ рукахъ молодого поэта: каждая струна дрожала, звала къ счастью, къ волѣ, полнымъ аккордомъ врывалась въ души людскія, будила въ нихъ сознаніе гражданскаго и человѣческаго долга по отношенію къ много-страдальному народу. Прекрасные отзвуки шевченковской лирики слышались въ искреннихъ короткихъ пѣсняхъ Олесея. И рядомъ съ мажорными тонами молодого поэта эти шевченковскія минорныя ноты звучали родной для украинца глубокой тоской.

По формѣ Олесь выступилъ талантливымъ символистомъ. Украинская народная поэзія богата красивыми символами, они тѣсно сплетены со всѣмъ умозрительнымъ настроеніемъ, преобладающимъ въ психикѣ украинской націи. Костомаровъ посвятилъ разъясненію поѣтическихъ символовъ украинской народной литературы цѣлое изслѣдованіе. Къ сожалѣнію, эта работа имѣетъ одного лишь продолжателя среди современныхъ украинскихъ этнографовъ, проф. Сумцова. Символизмъ современнаго искусства часто бываетъ надуманъ, блѣденъ. Онъ удается только крупнымъ талантамъ, какъ Бальмонтъ, Рерихъ. Удается онъ и Олесею. Символическая форма присуща немногимъ современнымъ украинскимъ поэтамъ и писателямъ. Хороша она у Днѣпровой Чайки, у галицкой писательницы Кобы-

¹⁾ См. „Украинскую Жизнь“, апрѣль.

лянскою; хороши нѣкоторые символы въ поэзіи Х. Алчевскою¹⁾. У Олеся символы красиво передають настроєніе, создають картину, образъ, полный глубокаго содержанія. Изъ перваго его тома особенной популярностью пользуются „Айстри“, „Конвалія“ (Ландышъ), „Як згряя радісна пташок“, „... всѣхъ не перечислишь,—весь первый томъ ими переливается, какъ въ граняхъ алмаза преломляется лучъ солнца. Хороши символы и во 2-мъ томѣ. Здѣсь они даже сильнѣе, охватываютъ болѣе широкое содержаніе,—напримѣръ, въ стихотвореніи „Яка краса відродженне країни!“ или „О слово рідне! Орле скутий!“ Гейневскою поэзіей дышитъ символическое стихотвореніе, которое можно привести какъ образчикъ творчества Олеся:

Не берить із зеленого лугу верби
 Ні на жовті піски, ні на скелі,
 Бо зовьяне вона від жаги і журби
 По зеленому лузі в пустелі...
     І сосни не несить на зелени луги,
 Бо вона засумує в долині
 І засохне в воді від палкої жаги
 І нудьги по далекій вершині...

Это образецъ слиянія творчества поэта съ чисто-народной формой поэзіи.

Въ другомъ родѣ, но также хорошо и это сопоставленіе родного края съ цвѣтами:

Не цвітуть квітки зімою
 І дерева не шумлять,
 А обгорнені імлою
 Як мерці вони стоять.
     Як же ти, мій краю-квіте,
 В час морозів вікових
 Міг би квітнуть і шуміти
 З під наметів снігових?

Красота поэзіи Олеся въ разнообразныхъ противопоставленіяхъ, въ богатой гармоніи стиха, сливающагося съ настроєніемъ. У него нѣтъ лишнихъ словъ, словъ безъ содержанія, вся его лирика полна вдохновенія, богата мыслями, яркими образами, блестящими сравненіями. Его два тома

¹⁾ См. сборникъ стихотвореній Х. Алчевскою „Туга по сонцю“; нѣкоторые стихотворенія въ немъ очень художественны.

стихотвореній прекрасно воплощаютъ въ себѣ настроєніе и пережитки 1906—1908 года. Въ нихъ же нашли себѣ выраженіе самыя разнообразныя движенія любви и страданій индивидуальныхъ.

Но вотъ настаютъ унылыя годы реакціи; поэтъ, какъ наиболѣе чуткая организація, переноситъ ее особенно мучительно,—„молчитъ его святая лира“, подъемъ вдохновенія невольно опускается, колеблется вѣра въ близость дня обновленія: Олесъ пишетъ „По дорозі в казку“. Это уже не прежній горячій стихъ; то, что людямъ дороже жизни,—счастье освобожденія,—теперь живетъ только въ сказкѣ. Люди потеряли истинный путь, они толпою бродятъ въ лѣсу и напрасно ищутъ выхода. Юноша, одушевленный вѣрой, ведетъ ихъ къ свѣту изъ темной чаши, полной дикихъ звѣрей. Путь тернистый, сомнѣнія охватываетъ вожака. Чуть толпа уловила его нерѣшительность,—въ ней пропала вся вѣра въ него, всякая надежда на выходъ изъ мрака къ свѣту. Люди разбрелись снова въ чащѣ, покинувъ своего вождя въ двухъ шагахъ отъ невѣдомой имъ опушки лѣса. Есть рассказъ Горькаго, напоминающій содержаніе поэмы Олеся. Какъ въ томъ произведеніи, такъ и въ этомъ отразилось настроєніе современнаго общества, блуждающаго въ потемкахъ, безъ твердыхъ убѣжденій, безъ горячей вѣры. Прекрасный языкъ и яркость отдѣльныхъ переживаемыхъ и толпою, и вожакомъ ея моментовъ дѣлають поэму Олеся очень интересной.

Вышедшій вслѣдъ за нею третій сборникъ Олеся свидѣтельствуєтъ о томъ, что настроєніе поэта продолжаетъ быть подавленнымъ: его прелестныя лирическія стихотворенія полны тоски. Поэтъ ищетъ утѣшенія въ грезахъ своей богатой фантазіи, онъ творитъ сказки—„По над Дніпромъ“, „Чотире доби“ (четыре времени года), гдѣ рядомъ съ картинами чисто сказочной поэзіи прорывается лирика, полная скорби, художественно-прекрасная, захватывающая своимъ настроєніемъ читателя, потому что настроєніе поэта, родное намъ, болѣзненнымъ переживаніемъ отдается въ нашей душѣ.

Многіе поэты, многіе художники переживали періоды душевнаго угнетенія, когда реальная жизнь теряла для нихъ красу, жизнерадостность оставляла ихъ, и только фантазія, унося ихъ на своихъ легкихъ крыльяхъ, дарила имъ творческое вдохновеніе. Въ жизни Пушкина, Байрона,

Гейне такіе періоди отмѣчаются всѣми ихъ критиками и біографами. Шевченко пережилъ такой же періодъ, когда восклицалъ:

І день іде, і ніч іде,
І голову схопивши въ руки,
Дивуюся: чому не йде
Апостол правди і науки!

Онъ уходилъ тогда всецѣло въ ветхозавѣтныя темы, черпая ихъ изъ Библии. Гейне тоже повременамъ предпочиталъ перевоплощаться въ минувшія эпохи, искать сюжетовъ въ прошломъ, творить историческія поэмы, не отзываясь на современную ему, такъ больно поражающую его, дѣйствительность. Чисто гениальная способностъ Гейне понимать разныя эпохи исторіи все-же не удержала его долго на чисто историческихъ сюжетахъ, и поэтъ молодой Германіи возвращается къ своей любимой темѣ—міровой скорби, находя наилучшее ея выраженіе въ еврейскихъ мотивахъ. Такъ, надо думать, и поэтъ молодой Украины скинетъ съ себя угнетенное душевное настроеніе и вернется къ своему лейтъ-мотиву—призыву къ свѣту, счастью и свободѣ. Конечно, для этого надо прежде всего пожелать, чтобы и окружающая насъ жизнь хоть сколько-нибудь просвѣтлѣла. Здѣсь не мѣшаетъ напомнить слова Овсянико-Куликовскаго, который проводя разницу между ученымъ мыслителемъ и художникомъ-поэтомъ, ставитъ въ дѣятельности поэта главною пружиною „культъ человѣчества“: весь беспредѣльный космосъ для поэта только фонъ, на которомъ выступаетъ человѣчество съ его страданіями и радостями. „Задача художника, — говоритъ Овсянико-Куликовскій,—гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ задача ученаго мыслителя, и требуетъ, кромѣ творческаго дара, еще большой отзывчивости, большой силы духа,—той широты гуманнаго пониманія и сочувствія, той ихъ глубины, безъ которыхъ его творческая работа невозможна, или же, въ лучшемъ случаѣ, будетъ ничтожна. Онъ долженъ многое возлюбить и многое возненавидѣть и все понять“ (см. Овсянико-Куликовскій. Поэзія Гейне, стр. 119).

Художникъ всегда идетъ впереди своего вѣка, онъ долженъ разбираться во всѣхъ проблемахъ, какія ставитъ жизнь его народа, онъ долженъ быть проникнутъ новыми идеалами. Иногда художникъ прозрѣваетъ новые пути ихъ

воплощенія. И все это вмѣстѣ требуетъ отъ него громадной душевной работы. Она совершается незримо въ тайникахъ души поэта и обнаруживается въ его легкокрылыхъ словахъ, которыя часто становятся лозунгами нѣсколькихъ поколѣній. Но для этой работы необходимы соответствующія переживанія.

Олесь уже показалъ намъ, что онъ „возлюбилъ“ и что онъ ненавидитъ. Окружающая его творчество любовь украинскаго общества обнаруживаетъ, что онъ понялъ его лучшіе идеалы. Если послѣдніе годы груститъ его „святая лира“, то мы твердо увѣрены, что никто, какъ онъ, этотъ даровитый пѣвецъ молодой Украины, не почувствуетъ первое живое дыханіе въ окружающей насъ мертвой, страшной дѣйствительности, и снова звучный стихъ его пробудитъ насъ и будетъ звать опять къ свѣту и добру.

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ, конечно, не рассмотрѣны всѣ лучшіе лирики современной украинской поэзіи. Не было удѣлено нами вниманія такому прекрасному лирику, какъ Л е с я У к р а и н к а, потому что ея лирика—„На крилахъ пісень“—принадлежитъ больше XIX вѣку, а въ настоящее время ея творчество приняло другое направленіе—поэмъ, драмъ. По этимъ же причинамъ мы прошли мимо лирики Ч е р н я в с к а г о, издавшаго очень красивый сборникъ стиховъ „Зорі“. Изъ молодыхъ лириковъ много надеждъ подаетъ свѣжій талантъ М. Р ы л ь с к а г о, выпустившаго пока только небольшой сборникъ стиховъ „На білихъ островахъ“. Проникнутыя искреннимъ чувствомъ молодого сердца, звучныя по стиху и изящныя по формѣ, какъ, на примѣръ, „З сердечнихъ глибин“, „Не грай! Не грай!“, „Годі, скінчилася пісня моя“ и другія вещи въ этомъ сборникѣ, обнаруживаютъ несомнѣнный лирический талантъ. О творчествѣ лирика Г а й, трудно высказаться, пока его изящныя и полныя чувства стихотворенія разбросаны по періодическимъ изданиямъ и не собраны вмѣстѣ.

Нельзя не отмѣтить бѣдности переводной литературы на украинскомъ языкѣ въ области лирической поэзіи. Больше всего посчастливилось Гейне, котораго удачно переводили М. С л а в и н с к і й, Л е с я У к р а и н к а, Г р а б о в с к і й. Очень мало имѣемъ мы переводовъ итальянскихъ лириковъ и особенно изъ Ады Негри, которая по содержанію своихъ стиховъ такъ близка украинскимъ ли-

рикамъ. Почти не переведены новѣйшіе французскіе поэты. Беранже хорошо переводятъ Х. Алчевская и Л. Велинская. Среди переводной поэзіи послѣдняго времени хороши переводы Стешенка изъ Шиллера, Надсона и др. Украинскій языкъ достаточно богатъ, чтобы въ рукахъ мастера слова передать разнообразныя оттѣнки поэзіи далекихъ народовъ.

Такова современная украинская лирика: она не бѣдна талантливыми поэтами. Ея мотивы разнообразны: одни звучатъ въ униссонъ съ современной русской поэзіей, полны личной тоски и поисковъ новаго счастья; другіе, присущіе украинской поэзіи, полны гражданскихъ чувствъ, скорби о бездольѣ родного края; наконецъ, иные полны чистой красоты символизма. Всѣ эти мотивы полнѣе всего, красивѣе всего сливаются въ поэзіи Олеся. Его сборники представляютъ синтезы лучшей современной украинской лирики, въ нихъ культъ человѣка и человѣчности звучитъ въ наиболѣе широкомъ значеніи этихъ понятій. А въдь въ истинномъ культѣ этихъ двухъ идей совмѣщается и красота, и счастье, т.-е. все, къ чему люди всегда стремятся и поиски чего составляютъ главное содержаніе художественной лирики.

С. Русова.